

С о о б щ е н и я

**ПИСЬМА РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ
ПРОФЕССОРУ И. Н. ЛОБОЙКО****Римантас Сидеравичюс**Вильнюсский университет
Кафедра славянской филологии

Деятельность профессора русской словесности Ивана Николаевич Лобойко (1786–1861) в Вильнюсском университете до его закрытия широко освещена в исследованиях полонистки А. Каупуж, в статье литуаниста Й. Лебенки, но этих авторов интересовали, главным образом, связи русского ученого с деятелями литовской и польской культуры. По просьбе большого любителя и собирателя древностей разных народов князя Н. П. Румянцева, чье имя долгое время носили крупнейший в России музей и Московская публичная библиотека, вильнюсский профессор убеждал студентов-литовцев заниматься родной письменностью, разыскивать памятники словесности, публиковать их, создавать словари и учебники литовского языка. 8 сентября 1825 г. на заседании факультета литературы и изящных искусств И. Н. Лобойко вместе с университетским библиотекарем К. Контрымом голосовали за введение литовского языка в программы обучения, но, к сожалению, они оказались в меньшинстве. Литовский историк В. Трумпа

утверждает, что «за исключением проф. Лобойко в университете не нашлось ни одного человека, который заботился бы о культуре литовского языка» (Трумпа 1989, 84). Русский ученый также живо интересовался успехами текущей польской литературы, восторженно приветствовал публикацию поэмы молодого романтика А. Мицкевича «Гражина» и послал ему в Каунас восхищенное письмо. Исследовательница русско-польско-литовских культурных связей, подробно осветившая вильнюсский период жизни ученого, отмечает, что «диапазон вопросов, интересующих в разное время Лобойко, очень широк» (Каупуж 1963, 52).

В сообщении мы остановимся на тех сторонах деятельности И. Н. Лобойко, которые важны собственно для истории русской литературы. Хрестоматийный характер обрел в литературоведении эпизод в судьбе К. Ф. Рылеева, запечатленный в воспоминаниях вильнюсского профессора. Когда обидевшийся на сатиру молодого Рылеева «К временщику» граф А. А. Аракчеев жаловался минис-

тру просвещения князю А. Н. Голицыну, последний попросил графа указать, «какие именно выражения принимаете вы на свой счет?» (Базанов 1964, 162). Аракчеев должен был ретироваться, и автор политической сатиры избежал наказания. Дружба Лобойко с Рылеевым, начавшаяся со встреч на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности, продолжалась и во время наездов вильнюсца в Петербург, когда Рылеев читал гостю свои новые произведения. В одном из писем петербургскому сановнику Лобойко писал: Рылеев – «издатель „Полярной звезды“ и весьма уважаемый мною поэт» (Каурица 1967, 186). Скорее всего, именно Лобойко был инициатором перевода и издания на польском языке в Вильнюсе в конце 1820-х гг. «Дум» Рылеева. После подавления восстания декабристов и казни их вождей это был исключительно дерзкий поступок в пределах царской империи.

Лобойко также оставил краткие воспоминания о некоторых русских писателях – А. А. Перовском (псевдоним Антоний Погорельский), забытом поэте и драматурге конца XVIII – начала XIX вв., А. И. Бухарском, с 1811 г. занимавшем должность литовского почт-директора и дослужившемся до звания сенатора. Вот что пишет Лобойко в своих кратких воспоминаниях о Бухарском: «Со времени приезда моего в Вильну с 1822 года до самой его кончины я постоянно с ним общался, но к крайнему сожалению моему никогда не спрашивал его о литературных его занятиях и успехах, сам он никогда о них

не вспоминал. Я не могу простить себе этой беспечности: тогда воспоминания мои сохранили бы и его память и память современных ему петербургских писателей, вероятно, товарищей его по службе, о которых теперь так мало нам известно, как то: **Петр Федорович Богданович**, Федор Осипович Туманский, Александр Иванович Клушин, Иван Петрович Пнин. Это были в его время, т.е. с 1780 по 1805, первые журналисты и писатели высшей образованности, хотя их имена и в мое еще время приносились с уважением. Жалею также, что не умел пользоваться сближением моим с А. И. Бухарским. От него мог бы я узнать многое и о многих, и теперь не знаю даже, где он получил это превосходное воспитание, которое тогда было редкостью». После смерти Бухарского в 1833 г. Лобойко установил, что «по каталогу Смирдина означено до 10 сочинений Бухарского» (ИРЛИ, ф. 154, ед.хр. 39), вышедших с 1780 по 1806 год. Современные исследователи отмечают выходявшие отдельными изданиями оды и комедии Бухарского, две из которых ставились на петербургской сцене; другие поэтические его произведения публиковались в периодике.

Главной заботой Лобойко в Вильнюсском университете было составление фундаментальной антологии «Собрание российских стихотворений», первый 400-страничный том которой «Духовные и нравственные стихотворения» вышел в 1827 г. Уже в первой книге в разделе «Нравственные стихотворения» были помещены и два произведения А. С. Пушкина – «Безверие»

и «Телега жизни». Это исключительно редкая прижизненная публикация поэзии Пушкина, зафиксированная библиографами лишь в 1938 г. Две следующие книги поэтических произведений, которые должны были называться «Лирические и поучительные стихотворения» (в проспекте этой антологии так конкретизируется содержание тома: «оды торжественные и похвальные, героические песни и другие стихотворения в память знаменитых особ, кантаты, элегии, песни, послания, сатиры») и «Описательные и повествовательные стихотворения» («изображающие природу идиллии и эклоги, романсы, баллады, думы, повести и басни. Мелкие стихотворения: эпиграммы, эпитафии, надписи и проч.») (РО ВУ, ф. 2, КС, 611), по утверждению А.Каупуж, были подготовлены к печати. Незамеченной литературоведами остается вступительная статья первого тома «Взгляд на успехи в духовной поэзии россиян, французов и немцев», свидетельствующая о том, что научные интересы профессора тяготеют более к текущей, современной ему литературе. О русской поэзии начала XIX в. он пишет: «С сего времени Российская словесность шествует столь быстро, что самый неутомимый наблюдатель не успевает за нею следовать. Что сие не преувеличение, удостовериться можно тем, когда приведем себе на память имена поэтов, составляющих ее подпору и славу» (Собрание российских стихотворений, 1827, с. XXII). В список ведущих поэтов Лобойко вносит и имя Пушкина. Как замечает литовский литературовед

Й. Лебенка, «развитие русской литературы И. Лобойко связывает в основном с развитием просвещения и культуры в России» (Лебенка 1966, 98). Вильнюским студентам Лобойко был вынужден рекомендовать единственное в те времена пособие – «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греча, которое, судя по переписке вильнюсца с русскими литераторами, его не удовлетворяло. Он лелеял надежду сам написать подобную историю. В фонде Лобойко в Пушкинском доме хранится 11 объемных папок с заготовками и выписками для этой истории – всего 2275 листов. Однако закрытие Вильнюсского университета после восстания 1831 г., когда Лобойко лишился кафедры, не позволило осуществиться этому замыслу.

Профессор вел в Вильнюсском университете и занятия по русскому языку: 1827 г. издал составленное им учебное пособие «Начертание грамматики русского языка». Большое внимание Лобойко уделял вопросам комплектования фондов университетской библиотеки, подписке на издания русской литературной периодики. Его стараниями фонды библиотеки необычайно богаты литературой такого рода. В настоящее время для выставки прижизненных публикаций произведений Пушкина сотрудники Научной библиотеки Вильнюсского университета на стендах могут представить почти две трети всех напечатанных поэтом в журналах и альманахах его произведений.

В литературной судьбе Лобойко важным было участие в работе «Вольного

общества любителей российской словесности», в которое он был принят 23 мая 1818 г. Один из учредителей и руководителей этого общества, А. А. Никитин, считал, что общество не должно ограничивать себя рамками литературного объединения, а заниматься также подыскиванием «занятий людям, имеющим дарование». Несомненно, именно рекомендации членов ВОЛРС позволили Лобойко, владевшему несколькими иностранными языками, в том числе и польским, занять кафедру русской словесности в Вильнюсе. На собраниях общества случались и конфликты: 15 марта 1820 г., когда верх стало брать республиканское направление (А. А. Бестужев-Марлинский, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг, Ф. Н. Глинка), шесть благонамеренных членов покинули заседание. Среди лиц, оставивших общество, автор книги «Ученая республика» В. Г. Базанов называет и Лобойко. Действительно, после этих разногласий Лобойко пропустил несколько заседаний общества и вскоре уехал в Вильнюс, где с октября следующего года приступил к чтению лекций по русской литературе в местном университете. Когда же наездами бывал в Петербурге, то непременно посещал заседания ВОЛРС: в 1823 г. он дважды побывал на заседаниях, а в 1824 г. – трижды. Две работы Лобойко в ноябре 1822 г. были заочно обсуждены на заседаниях ВОЛРС («Документы и письма Киево-Софийского собора, хранящиеся в ризнице оногo» и «О древних книгах, печатанных в Кракове. С латинского И. Н. Лобойко»). О том, что он не порывал с обществом, свидетельствует

и переписка вильнюсского профессора с петербургскими друзьями.

Весь архив Лобойко – его воспоминания, корреспонденция и прочие документы и конспекты – хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского дома), его переписка с другими деятелями русской культуры вошла в фонды адресатов в иных архивах. В рукописном отделе Вильнюсского университета сохранился лишь пространственный проспект задуманной им шеститомной антологии русской литературы (3 тома поэзии, три – прозы), а в Государственном историческом архиве Литвы хранится 10 писем, адресованных И. Н. Лобойко, которые были переданы в советские годы одним из российских архивов, так как во всех этих письмах упоминается место жительства адресата – Вильнюс. Несомненно, это лишь частица эпистолярного наследия вильнюсского профессора.

Переписка Лобойко с петербургскими друзьями прежде всего свидетельствует о его желании сотрудничать с Вольным обществом любителей российской словесности. Например, Андрей Никитин, руководитель ВОЛРС, благодарит Лобойко за присланные для библиотеки общества книги, просит «не забывать общество, которое вас любит и почитает» (ГИАЛ, ф. 791, оп. 1, ед. хр.3), и доставлять материалы для его журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» (Труды Вольного общества любителей российской словесности).

Другой член ВОЛРС, называющий себя учеником Лобойко, Александр Рихтер пишет о новостях и переменах в

обществе, о новых изданиях его членов: «В обществе нашем произошла некоторая перемена: **в члены комитета выбраны** Н. Бестужев и Панаев, впрочем все прочие должностные члены остались при прежних должностях» (ГИАЛ, ф. 791, оп. 1, ед. хр. 4). Кстати, в следующем письме он сообщает о сглаживании конфликта, произошедшего два года назад: «В нашем обществе начали появляться опять те лица, которые с падения Каразина старались удалиться: Анастасевич со своими историческими изысканиями наводняет общество – и кажется забыл свое клятвенное слово не присутствовать в наших собраниях». В том же письме он консультируется с вильнюсским адресатом по вопросам скандинавской мифологии, просит прислать немецкую и французскую библиографию по этой теме. Далее А. Рихтер сообщает: «На днях доставлю Вам мое сочинение о влиянии монголов и татар на Россию, которое теперь печатается». Также в письме он пишет о выходе новых научных изданий, о скором появлении четвертой части учебной книги Н. И. Греча. В третьем письме А. Рихтер просит передать присланные им 4 книги в университетскую библиотеку (увы, сейчас их нет в наших книгохранилищах) и критикует труд Греча по истории русской словесности.

Выпускник Вильнюсского университета Осип Сенковский в своем письме цитирует прекрасный отзыв К. Контрыма об учености Лобойко и просит его похлопотать о переводе книги Греча по истории русской словесности на польский язык, «ибо сие может единственно

послужить для открытия связей для литераторов двух народов» (ГИАЛ, ф. 791, оп. 1, ед. хр. 5). Предваряя эту просьбу, Сенковский передает поздравления от Греча, Булгарина и прочих знакомых.

Еще один известный литератор, писавший Лобойко в Вильнюс, – Александр Федорович Воейков, с которым адресат был знаком по Харькову. Их переписка началась в 1810-е гг., когда Лобойко, в то время учитель Харьковской гимназии, посылал Воейкову свои переводы. В вильнюсском архиве хранится три письма этого поэта и журналиста. В первом он отчитывается в том, что письма Сенковскому и Булгарину «разослал по принадлежности». Помимо этого рекомендует познакомиться в Вильнюсе с Василием Алексеевичем Перовским. Воейков пишет: «Если Вам сильно грустно по матушке России, то вот лекарство. Найдете дом, в котором квартирует Е. И. Выс. Великий князь Николай Павлович, спросите о жительстве правителя дел его полковника Василия Алексеевича Перовского, явиться к этому необыкновенно умному и благородному сердцем человеку, он хорошо примет Вас – и в беседе с ним утолится тоска Ваша по отчизне» (ГИАЛ, ф. 791, оп. 1, ед. хр. 2).

В других письмах Воейков рекламирует свою газету «Русский инвалид», издание которой ему удалось возобновить, просит об оказании содействия в ее распространении, в каждое послание вкладывает несколько объявлений о своем детище, чтобы адресат раздавал их «любителям чтения». В последнем из писем Воейков возвращается к про-

сьбам об организации подписки на его газету в Вильнюсе и губернии. Он также приглашает Лобойко сотрудничать в его издании: «Неужели одному Фадею Булгарину суждено украшать журнал свой Вашими превосходными изысканиями, сочинениями и переводами? По крайней мере, дозволейте надеяться, что когданибудь и Русский Инвалид удостоится этой чести и славы». Это письмо датировано 24 ноября 1824 г.

В 1831 г. Лобойко получил обстоятельное письмо от профессора латинской словесности Московского университета И. М. Снегирева, составителя сборника «Русские в своих пословицах», автора «Древнего сказания о победе Великого князя Дмитрия Ивановича Донского над Мамаем», цензора некоторых пушкинских сочинений (поэмы «Братья разбойники» и второй главы «Евгения Онегина»). Московский профессор называет Лобойко «почтеннейшим сочленом и любезнейшим другом». Скорее всего, имеется ввиду членство в Историческом обществе, на адрес которого Снегирев просит прислать ответ. Можно предположить, что и Лобойко состоял в этом обществе. Другие письма этих ученых хранятся в архиве АН в Петербурге. В упомянутом выше письме Снегирев благодарит за помощь в составлении сборника пословиц, просит сообщать аналогичные пословицы на других языках. Снегирев сообщает новости Московского университета, жалуется на профессорские конкурсы, которые вызывают «много неудобств». Далее он излагает противоречивые российские толки о событиях

1831 г. в Литве. «Но по малому знакомству с политикою, перейду лучше к ближайшим себе предметам. Вальтер Скотт взманил русских писать романы, ибо прежде думали, что в России нет ничего романического. Загоскин издает *Рославлева* из 1812 г., а Лажечников *Последнего Новика* из начала XVIII века: оба имеют достоинства своего рода и заманчивы по предмету и слогу <...> Появился Пушкина *Борис Годунов* в стихах и в прозе пополам со своими красотами и недостатками – для чтения, а не для сцены» (ГИАЛ, ф. 791, оп. 1, ед. хр. б). Это суждение о трагедии Пушкина восходит к мнению, выраженному в отдельных недоброжелательных печатных отзывах о произведении. Далее Снегирев сообщает о других московских литературных новостях: «Проф. Победоносцев выдает свою риторiku; собираются напечатать все сочинения Мерзлякова: лекции, диссертации и разборы, в коих много есть добра; оне составят томов 5, полезных для литератора. Жалко, что он не имел Шувалова и боролся с бедствиями и самим с собою – и пал в борьбе. В прошлом году мы лишились трех профессоров Мерзлякова, Денисова и Ромодановского, а в холеру 16 священников. Бантыш К. <Д. И. Бантыш-Каменский – Р.С.> сочинитель Истории Молороссии, занимается *Словарем знаменитых Россиян*; он имеет много важных пособий. Для любопытства посылаю Вам жизнь его отца, товарища Миллерова; за портрет он заплатил Уткину более 1000 р. Москва после смерти Фролова бедна граверами». Автор письма очень хва-

лит искусство вильнюсских граверов и мечтает «иметь Ваши портреты перед собою».

Представленные в данном сообщении материалы по фрагментам переписки Лобойко со столичными литераторами, возможно, не богаты новыми для истории литературы фактами, однако они свидетельствуют о заинтересованности

русских коллег в развитии культурных связей с Литвой и ее университетским центром. Корреспонденты И. Н. Лобойко сообщали о новостях литературной жизни в России, интересовались культурной жизнью западной окраины империи, консультировались с вильнюсским профессором по разнообразным проблемам гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

Базанов 1964 – Базанов В. Г., *Ученая республика*, Москва–Ленинград, 1964.

ГИАЛ – Государственный исторический архив Литвы.

ИРЛИ ф. 154 – фонд И. Н. Лобойко в РО ИРЛИ (Пушкинский дом).

Каупуж 1963 – Каупуж А., «Вклад И. Н. Лобойко в развитие русско-польско-литовских связей в первой четверти XIX в.», *Kalbotyra*, VII, Vilnius, 1963.

Каупуža 1967 – Каупуža А., „XIX a. pradžios Lietuvos kultūros veikėjai pagal prof. I. N. Loboikos susirašinėjimą su N. P. Rumiancevu“, *Literatūra*, X, Vilnius, 1967.

Лебенка 1966 – Лебенка Й., «Жизнь и научная деятельность И. Н. Лобойко в Литве», *Literatūra*, IX, Vilnius, 1966.

РО ВУ – Рукописный отдел Научной библиотеки ВУ.

Собрание российских стихотворений 1827 – *Собрание российских стихотворений в пользу юношества воспитываемого в учебном округе Императорского Виленского университета*, Вильно, изданием Фр. Моритца, в типогр. Б. Неймана, 1827.

Trumpa 1989 – Trumpa Vincas, *Lietuva XIX amžiuje*, Chicago, 1989.

RUSŲ LITERATŲ LAIŠKAI PROFESORIUI I. LOBOIKAI

Rimantas Sideravičius

S a n t r a u k a

Vilniaus universiteto rusų literatūros prof. Ivano Loboikos (1786-1861) visas susirašinėjimas su Rusijos valstybės veikėju ir žinomu kolekcininku grafu N. Rumiancevu, kuriame yra labai daug svarbios lituanistikai medžiagos, paskelbtas mūsų moksliniuose leidiniuose. Šiame straipsnyje aptariami Peterburgo ir Maskvos literatų laišakai Loboikai, saugomi Lietu-

vos istoriniame archyve. Korespondentai vilniečiui pasakojo apie literatūrinių draugijų veiklą, Rusijoje leidžiamas naujas knygas, konsultavosi įvairiais klausimais su Vilniaus mokslininku, prašė jo darbų savo leidiniams. Laiškuose pastebimas jų siekimas vystyti kultūrinius ryšius su universitetiniu centru imperijos vakaruose.

Получено: 2008, апрель

Принято: 2008, май

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Slavistikos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva